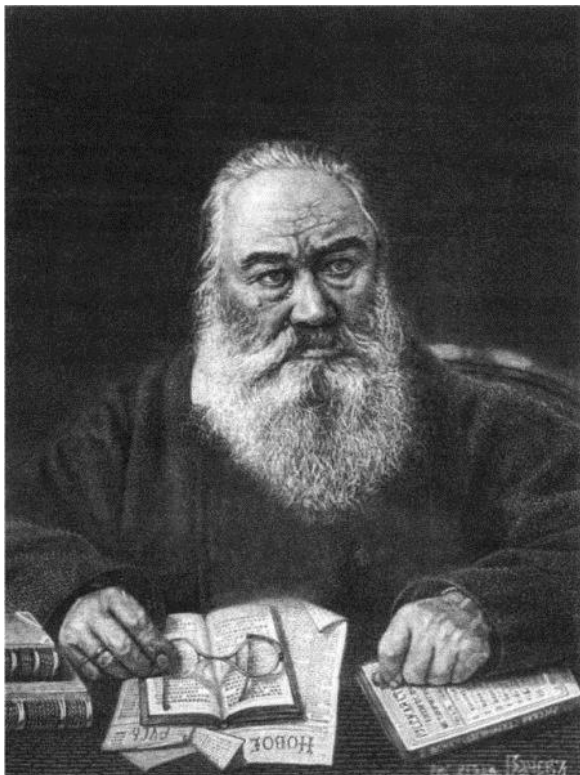

Эразм Иванович Стогов ЗАПИСКИ ЖАНДАРМСКОГО ШТАБ-ОФИЦЕРА

Эразм Иванович Стогов. 17 сентября 1880 г.

«Человек толпы»

В начале 1878 г. редактор журнала «Русская старина» Михаил Иванович Семевский получил от никому до той поры не известного Эразма Ивановича Стогова письмо. Стогов упрекал редактора за задержку публикации «Записок» И. С. Жиркевича, остановившейся на самом интересном для него времени — времени их совместной службы в Симбирске; торопил с публикацией обещанных редакцией «Записок» декабриста Михаила Бестужева — «Миша Бестужев мой корпусной товарищ; гардемаринами мы дрались на дуэли»; и, наконец, предлагал собственный очерк о быте ссыльнокаторжных в Охотском солеваренном заводе, написанный на основе личных воспоминаний: «Если годится — напечатайте, не годится — бросьте. Если годится и вы пожелаете продолжения, то напишите, я найду свободное время и могу рассказать вам несколько эпизодов из быта ссыльно-каторжных и моих столкновений с ними... Хотите, я кой-что расскажу вам о Сперанском в Иркутске? С Г. С. Батенковым я был тогда очень дружен. Я был действующим лицом в 1832 году, когда архиепископ бунтовал

против генерал-губернатора Лавинского»¹.

Обещанные сюжеты и то, что новый корреспондент неплохо владел пером ², заинтересовали редакцию, и вскоре Стогов стал активным сотрудником журнала. В 1878–1879 гг. в «Русской старине» появились восемь глав его «Очерков, рассказов и воспоминаний», охватывающих период с конца 1810-х гг. (с момента отъезда Стогова на службу в Сибирь и на Камчатку) до конца 1830-х (ухода из Корпуса жандармов и перевода в Киев). Первые главы автор подписывал «Э....ъ С.....въ». Но после того как в конце 1878 г. в журнале были опубликованы рассказ Стогова о службе в Симбирске в качестве жандармского штаб-офицера и воспоминания И. С. Жиркевича ³, назвавшего фамилию этого штаб-офицера, забота о сохранении анонимности в

¹ Русская старина. 1878. № 6. С. 316.

² Если говорить совсем точно, то — карандашом: все подготовленные им для редакции рукописи были написаны без помарок и исправлений, четким почерком и именно карандашом. В письмах к М. И. Семевскому Стогов жаловался, что на старости лет ему трудно писать пером.

³ Там же. № 9. С. 33–54.

дальнейшем становилась бессмысленной. Следующие главы, появившиеся в январском номере журнала за 1879 г., он подписал уже полным именем: «Эразм Стогов».

М. И. Семевский был известен не только тем, что старательно выискивал в провинциальных и семейных архивах интересные материалы для публикации, но и тем, что побуждал людей, много видевших и переживших, к написанию мемуаров. Уступая его неоднократным просьбам, Стогов взялся за написание своей автобиографии, но завершить работу над рукописью для редакции не успел — умер в сентябре 1880 г. Рукопись, в которой рассказывалось о его семье, детстве и годах учебы, была доведена до окончания им Морского кадетского корпуса в 1817 г. и обрывалась буквально на полуслове: «Чтобы не забыть, пришел я из Охотска...» Эта часть воспоминаний была прислана в редакцию дочерью мемуариста и опубликована в десятом номере «Русской старины» за 1886 г. под заголовком «Посмертные записки».

Впоследствии выяснилось, что существовал еще один вариант воспоминаний, хранившийся в семье. В отличие от прежде опубликованного варианта, в котором хронологическая последовательность жизнеописания Стогова не соблюдалась и каждая глава могла восприниматься

как самостоятельный очерк, здесь события описывались последовательно, начиная с момента рождения автора (1797 г.) и кончая завершением его службы в Киеве в начале 1850-х гг. Кроме того, в нем раскрывались фамилии многих действующих лиц, первоначально обозначенные лишь одной буквой: «Z» — Загряжский, «M» — Маслов и т. д. Новый редактор «Русской старины» — Н. Ф. Дубровин, — отметив существенное сходство обоих вариантов, счел целесообразным опубликовать в 1903 г. и второй вариант, пояснив, что в нем имеются некоторые интересные и важные для характеристики описываемой эпохи подробности. При этом, как отмечает современный исследователь В. А. Черных⁴, он подверг текст «семейной» версии некоторым сокращениям. Очевидно, во избежание новых протестов⁵ со стороны получивших в «Записках» нелестные

⁴ Черных В. А. Эразм Стогов и его «Записки» // Общественное сознание, книжность и литература периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 334.

⁵ В начале 1879 г. «Русская старина» была вынуждена предоставить место для публикации гневного опровержения бывшего симбирского губернатора А. М. Загряжского, узнавшего себя под лицом, обозначенным буквой «Z» и назвавшего рассказ Стогова «выдумкой и клеветой».

оценки деятелей редакция рискнула полностью назвать лишь фамилии некоторых второстепенных персонажей.

Так увидели свет два журнальных варианта воспоминаний Э. И. Стогова. Представляют ли они для нас какой-либо интерес? По-моему, несомненный, ибо дают достаточно редкую возможность услышать живой голос «человека толпы» (по меткому замечанию самого мемуариста). Дело здесь не в утолении праздного любопытства. Своеобразие любой исторической эпохи проявляется как в деятельности выдающихся в каком-либо отношении личностей, так и в мировоззрении и поведении многих миллионов их оставшихся в тени современников, чьи имена канули в Лету. Поэтому представление о любой эпохе неизбежно будет упрощенным, схематичным и в конечном счете — искаженным, если мы ограничимся изучением биографий только выдающихся людей. Сможем ли мы понять и оценить хотя бы их, если будем игнорировать их окружение и тем самым создавать вокруг них некое безвоздушное пространство?

Воспоминания Стогова воссоздают перед нами лишенную схематизма, чрезвычайно яркую и многогранную картину жизни российского дворянства, вовсе не такого монолитного, как порой это представляется. Перед нами проходят люди,

различающиеся не только по материальному положению, но по самому образу жизни и мышления: утонченные столичные аристократы, получившие блестящее европейское образование, и патриархальные мелкопоместные дворяне, только начинающие привыкать к мысли, что их дети (сыновья) должны где-то учиться; увлекающиеся сложными мистическими учениями масоны и верящие в колдунов и чертей их менее образованные собратья по сословию; восстающие против царского деспотизма бунтари-декабристы и люди, видящие в императоре воплощение живого божества. И притом все они не живут изолированно друг от друга, а оказываются тесно связаны многочисленными нитями родственных, соседских, дружеских, служебных связей и, несмотря на резкие различия, сознанием принадлежности к общей корпорации.

Воспоминания Стогова дают нам также ценную возможность на его примере составить представление о личности рядового жандармского офицера эпохи Николая I. Хотя общепризнано, что высший орган политической полиции — III отделение канцелярии и приданный ему Корпус жандармов были ярчайшими символами этого царствования, низовое звено этих учреждений, обеспечивающее связь между монархом и подданными, до сих пор оставалось в тени. Не

уделив внимания взглядам и деятельности Стогова и его коллег, мы не получим полного представления ни о сути николаевской системы, ни о ее социальных корнях.

Прежде чем предоставить слово самому Эразму Ивановичу, стоит в нескольких словах очертить контуры его биографии, тем более что, по его собственному признанию, с хронологией у него дело обстоит не очень благополучно и некоторые моменты нуждаются в уточнении.

* * *

Эразм Иванович Стогов родился 24 февраля 1797 года, в день поминовения святого Еразма — черноризца и схимника Печерского^б, что, видимо, и определило выбор набожными родителями столь «необщеупотребительного» (по выражению М. М. Сперанского) имени для своего первенца.

Первые годы жизни Эразма прошли в подмосковном имении Золотилово среди многочисленной родни, большей частью таких же мелкопоместных дворян, как и его родители. Хотя речь идет не об отдаленном захолустье, надо

^б Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992. Т. 1. Стлб. 868.

признать, что за сто лет, прошедших со времени петровских преобразований, быт и нравы этой среды изменились мало, они оставались патриархальны и похожи на быт и нравы крестьян, отличаясь от последних лишь чуть большим материальным достатком и сознанием благородства своего происхождения. А в остальном — та же непоколебимая и искренняя вера в Бога, в их сознании естественно сочетающаяся с пережитками языческих представлений, то же безоговорочное признание авторитета «старшего» в семье, которым в зависимости от конкретных обстоятельств мог быть отец, тесть, муж, старший брат. «Старшему» безоговорочно подчинялись; за ним признавали право «вразумлять» провинившихся членов семьи посредством физического воздействия, которое, впрочем, не вызывало обиды и часто сопровождалось выражением благодарности «за науку». Очень характерен в этом отношении рассказ о порке, которой дед мемуариста подверг зятя — отставного офицера, «суворовского сослуживца», отличавшегося к тому же крутым нравом. В детских воспоминаниях Стогова таких эпизодов немало.

Но уже в раннем детстве Эразм смог увидеть и другой мир — мир, в котором обитали их соседи Бланки, масонское окружение семьи его крестной матери — Т. С. Белого. Здесь даже общались между

собой на другом языке — не на русском, а на французском; носили другие одежды; зачитывались не житиями святых, а «Бедной Лизой» Н. М. Карамзина и даже занимались сочинительством (в то время как отец Эразма — Иван Дмитриевич — с большим трудом мог написать обыкновенное письмо); совершенно иначе относились к женщине и т. п. Здесь некоторые проявления неограниченной власти старшего над младшим (подобные демонстрации Иваном Дмитриевичем своей власти над сыном перед семьей Белаго) воспринимались как дикость.

Возможности родителей Эразма дать образование сыну были весьма ограничены и, по признанию самого мемуариста, ему в будущем грозила опасность зачахнуть в должности какого-нибудь писаря уездного суда, но случай — покровительство родственника Ивана Петровича Бунина, служившего в Морском корпусе, — изменил его судьбу. По протекции Бунина Эразма 8 февраля 1810 г. зачислили в Морской кадетский корпус. 13 мая 1814 г. он был произведен в гардемарины, а 1 марта 1817 г. — выпущен из корпуса с присвоением чина мичмана⁷.

⁷ Наблюдается разнобой в датировке тех или иных событий жизни Стогова. Так, например, в «Русской старине» отмечается, что он учился в Морском корпусе в 1807–1813 гг.

Первые два года службы он провел в плавании: сначала на корабле «Берлин» совершил рейс от Кронштадта до Кале, затем на галете № 8 курсировал между Кронштадтом и Петергофом. В 1819 г. Стогов выразил желание служить в Охотске, куда и был командирован вместе с двумя другими морскими офицерами.

В Сибири Эразм Иванович провел 14 лет — в Европейскую Россию он вернулся только в 1833 г. В течение этого времени он последовательно командовал бригами «Михаил», «Дионисий», «Екатерина», «Камчатка» в Охотском море; дважды повышался в чине: в 1820 г. его произвели в лейтенанты, в 1830 г. — в капитан-лейтенанты и

(1886. № 10. С. 77); также, не называя года поступления в корпус, 1813 годом датирует его окончание В. А. Черных (*Черных В. А.* Указ. соч. С. 332). В данной статье все даты, относящиеся ко времени службы Стогова на флоте, взяты из официального издания Морского министерства, см.: «Общий морской список». СПб., 1894. Ч. 8. С. 254–255. ГАРФ, ф. 109, оп. 223, д. 3 (Отчеты III отделения канцелярии и Корпуса жандармов с 1837 по 1839 г.). 1837 год как год окончания службы Стогова в Симбирске называет также В. А. Черных (Указ. соч. С. 332). Датировка этого события 1839 годом, приведенная журналом «Русская старина» (1878. № 12. С. 631; 1886. № 10. С. 77) и повторенная в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (СПб., 1901. Т. 31а. С. 668), представляется неверной.

назначили начальником Иркутского адмиралтейства.

После возвращения в Петербург Стогов недолго оставался морским офицером. Он был достаточно честолюбив и при этом хорошо понимал, что без связей и средств бедному провинциалу карьеру в столице сделать практически невозможно. Как он признается сам, материальные соображения сыграли далеко не последнюю роль при принятии им решения перейти на службу в формировавшийся Корпус жандармов. 29 октября 1833 г. перевод состоялся, и вскоре Эразм Иванович, стремившийся к тому, чтобы «быть старшим» — хотя бы и в провинции, а «не под командой» — пусть даже и в Петербурге, добился назначения в Симбирскую губернию. 8 января 1834 г. он прибыл к новому месту службы.

В Симбирске Стогов прослужил сравнительно недолго; точную дату его ухода из Корпуса жандармов установить не удалось. С уверенностью можно сказать, что он прослужил здесь до 1837 г.: в «Отчете о действиях Корпуса жандармов за 1837 г.» Стогов упоминается среди особо отличившихся штаб-офицеров, но в «Отчете» за 1838 г. в качестве симбирского жандармского штаб-офицера упоминается не он, а его бывший адъютант и

преемник — капитан Шишмарев ⁸.

Нет необходимости описывать деятельность Стогова в Симбирске — он сам подробно и увлеченно об этом рассказывает, поскольку очень гордится своим званием «нравственного полицейского». Ему не приходит в голову что-либо скрывать, боясь произвести невыгодное впечатление ⁹. Наоборот, присущее ему «веселонравие» и бесцеремонность, с которой он нередко вмешивался в частную жизнь посторонних людей, устраивал розыгрыши, побуждали не его, а редакцию «Русской старины» делать купюры, «приглаживая» некоторые эпизоды и опуская, например, чистосердечные признания об

⁸ Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России (1826–1880). М., 1982. С. 48.

⁹ При этом, однако, надо учитывать, что мемуарист явно склонен к завышенной самооценке. Так, например (как это будет подробнее оговорено в комментариях), данная им оценка действий его предшественника полковника Маслова не совпадает с оценкой их общего начальства; некоторые действия высшей власти (особенно в кадровых вопросах) не являлись непосредственной реакцией именно на его донесения; а его слова об увольнении какого-либо должностного лица с предписанием «впредь никуда не определять» всерьез принимать просто нельзя.

использовании личных связей для удаления из Киевской губернии «надоевшего» ему архиерея.

Однако несколько слов о том, насколько Стогов соответствовал ожиданиям высшей власти, возлагавшимся на него и его коллег, и о том, какие качества позволили ему стать чрезвычайно характерной для николаевского царствования фигурой, сказать стоит.

В воспоминаниях современников и в трудах историков много говорится о произволе, чинимом жандармами, об их стремлении вмешиваться в дела далекие, казалось бы, от политики. Там же мы встречаем постоянные упоминания о раздражении, неприятии жандармов обществом. Возникают вопросы: во-первых, кто ответствен за произвол — высшие власти или недалекие непосредственные исполнители, неумело и неумно толкующие содержание должностных инструкций? Во-вторых, в чем же все-таки черпало силу III отделение для того, чтобы в течение нескольких десятилетий держать в повиновении всю Россию, если неприятие его населением, действительно, было столь сильным и всеобщим?

Можно согласиться, что произвол жандармов мог отчасти быть связан с тем, что Корпус жандармов набирался из людей, не имевших (как и Стогов) специальной подготовки и потому часто действовавших кто во что горазд. Можно

согласиться и с тем, что секретная инструкция, данная А. Х. Бенкендорфом подчиненным (которой они так любили козырять), также таила в себе возможность произвола из-за чрезвычайно расплывчатых формулировок¹⁰. Но не это главное. Сама расплывчатость формулировок была не случайна, да и специальная подготовка жандармов при тогдашних представлениях о задачах политического сыска не очень требовалась.

В ту эпоху сознательная оппозиция власти только зарождалась, и власть не всегда могла четко определить, откуда исходит опасность. Почувствовав угрозу подрыва своего могущества, она просто ужесточила контроль за всеми проявлениями жизни всего населения империи, поручив его III отделению. Представления Стогова о том, что он не только имеет право знать про опекаемых им жителей «своей» губернии «все», но что это является его прямой должностной обязанностью, полностью соответствовали представлению о правильном государственном устройстве самого Николая Павловича. Суть воспоминаний, оставленных современниками об этом императоре, сводилась к одному — он считал,

¹⁰ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. М., 1990. С. 97.

что его власть может и должна распространяться «не только на внешние формы управления страной, но и на частную жизнь народа, на его мысль, его совесть», что он сам «в состоянии все видеть своими глазами, все слышать своими ушами, все регламентировать по своему разумению»¹¹.

Жандармские штаб-офицеры как раз и были призваны стать «глазами и ушами» императора в провинции. Стогов как нельзя лучше соответствовал своему назначению. Во-первых, не всякому образованному человеку в середине XIX в. такая служба была по душе. Сохранились, например, воспоминания о том, что даже сам Л. В. Дубельт любил выписывать своим агентам вознаграждения, сумма которых была бы кратной цифре 3 — 30, 300 рублей («в память тридцати сребреников», как пояснял он в кругу знакомых)¹², что явно свидетельствовало об определенном душевном дискомфорте. Стогов же считал эту службу своим призванием, она не требовала от него никакого насилия над собой. Во-вторых, на мой

¹¹ *Каратыгин П. П.* Бенкендорф и Дубельт // Исторический вестник. 1887. № 10. С. 172;

¹² *Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература. 1826–1855. СПб., 1908. С. 122.

взгляд, несмотря ни на что, его можно считать человеком, который служил не ради выгоды (во всяком случае этот мотив не был определяющим), а ради определенной идеи. Да, он был практичен и у него были материальные интересы при переходе в Корпус жандармов (что он и не скрывал); должность жандармского штаб-офицера помогла ему даже подыскать невесту, которая бы его устраивала. Да, он был честолобив и самолюбив: та же должность позволила ему занять в губернском обществе столь высокое положение, которое не обеспечила бы ни одна другая. Да, ему очень нравилось чувствовать свою силу¹³: к нему за разрешением начать игру в карты обращался сам губернатор, а завязтые картежники по одному его слову «проигрывали обратно» деньги тем лицам, на которые он указывал; он один мог восстановить попранную справедливость (помирить жениха с невестой, утешить убитого горем отца) и наказать порок (добиться отставки болтливового губернатора, выставив его к тому же на посмешище перед верховной властью в своем отчете «в юмористическом духе»). Но в первую очередь его

¹³ Справедливости ради надо признать, что эту силу он не стремился использовать во зло, по крайней мере — сознательно.

поведение на службе определялось не перечисленными мотивами. Главным для него, на мой взгляд, было стремление оправдать оказанное ему доверие монарха¹⁴, возложившего на него обязанность охранять существующий порядок вещей, который к тому же и монархом, и им самим воспринимался как единственно правильный. Стогов не видел ничего предосудительного в сословных привилегиях дворянства, считая их естественным следствием честной и усердной службы многих поколений предков. Порядок начала XIX в., с его точки зрения, был намного справедливее того, который он наблюдал в пореформенной России под конец жизни, когда стали цениться деньги, а не «унаследованное от предков честное имя». Он был благодарен

¹⁴ Очень характерны объяснения Стоговым мотивов своих действий, направленных на улаживание конфликта, возникшего между губернатором А. М. Загряжским и дворянством: «Разыграйся глупость — *огорчила* бы государя...»; или при решении направить в Петербург курьера, который должен был опередить уже отбывшего в столицу А. В. Бестужева, в личных интересах раздувавшего слухи о силе крестьянских волнений: «Боясь, что он [Бестужев. — *Е.М.*] *обеспокоит* государя своими рассказами...» [выделено мною. — *Е.М.*] (Русская старина. 1878. № 12. С. 648, 663).

правительству, которое в дни его юности не делало различия между дворянами бедными и богатыми, и потому он — «сын дворянской фамилии, служилого рода», сын «честнейшего, но бедного отца» — получил возможность выучиться, стать офицером и заплатить правительству за прежнюю заботу почти 40-летней ревностной службой.

Стогову удалось идеально вписаться в созданную Николаем I систему управления государством, потому что у него с ней было много общего. Николаевская система главной опорой имела не армию или Корпус жандармов, а патриархальный уклад жизни, характерный для подавляющего большинства населения империи. Тот же уклад определил основы мировоззрения и Эразма Ивановича — «человека толпы», «плывущего по течению».

В родительском доме прошла незначительная часть сознательной жизни мемуариста: он покинул его 13-летним подростком и в следующий раз ненадолго заглянул сюда бывалым 36-летним морским офицером. Такая рано прервавшаяся связь с семьей, очевидно, утвердила его в мысли, что обучение в корпусе и служба принципиально изменили его, сделали непохожим на предков. Несмотря на то, что он сохранил о детстве и ближайших родственниках (кроме отца) самые теплые воспоминания, Эразм Иванович смотрел на

патриархальный быт предков как бы со стороны — искренне удивляясь одним проявлениям «старины» и подтрунивая над другими (например, над верой сестренки в возможность материализации черта в доме). Действительно, чисто внешнее отличие было разительное: он получил достаточно солидное образование; обучился светским манерам (пожалуй, особенно он гордился своим умением танцевать на балах); вырвался из тесных границ родового поместья Золотилова и увидел мир — побывал как у западного (Кале), так и восточного побережья громадного Евразийского материка, дважды пересекал Сибирь (вряд ли многие современники могли похвастаться тем же). Но он явно не осознавал, насколько большую роль в его жизни сыграло именно семейное воспитание — именно в детские годы в его сознание были заложены те мировоззренческие ориентиры, которых он (пусть не всегда осознанно) придерживался в течение всей своей жизни.

От предков к нему перешла искренняя и глубокая вера в Бога, что так ярко проявилось в последние дни его жизни. Образование позволило этой вере очиститься от народных суеверий, отцовского начетничества, стерло мнимое противоречие между нею и наличием в доме таких, например, благ цивилизации, как часы, которые, по представлениям деда мемуариста, якобы

оскорбляли Бога.

От предков (частью укрепившись, частью приняв несколько другие формы) к нему перешло признание власти (в его восприятии прежде всего — нравственной) «старшего» в доме; а отсюда следовал естественный вывод о том, что таким «старшим» в доме, именуемом Россией, является император, стоящий на «недосягаемой высоте». Рядом с ним простой смертный (тот же жандармский подполковник) ощущает себя «инфузорией» и воспринимает как величайшую награду брошенную царем в его адрес фразу: «Какой у тебя там шут сидит? Но действует умно»¹⁵. Подданные при приближении монарха превращаются в восторженную безликую толпу, теряют дар речи. Эразм Иванович не исключение: готовясь к предстоящему визиту Николая I в Симбирск, он «голову наполнил статистикою», чуть ли «не мог отвечать, сколько в губернии тараканов», но не предполагал, что «государи так просто спрашивают». Когда при представлении губернских чиновников Николай спросил: «Сколько лет вы здесь служите?», Стогов, вопреки

¹⁵ Реакция Николая I на доклад А. Х. Бенкендорфа о том, как Стогову при помощи хитрости удалось склонить крестьян к повиновению, не применяя воинскую команду.

своей обычной находчивости, растерялся: «...первая цифра пролетела сквозь голову 8, за ней 80, 800, никак не поймаю мысль... чувствую — кровь приливает к голове, стою и молчу... Государь очень милостиво, с его невыразимо привлекательной улыбкой тихо сказал: «Ну, что же вы молчите? Вы здесь служите три года, я помню вас и доволен вами, продолжайте служить»¹⁶.

Николаю Павловичу, совмещавшему «в своем лице роль кумира и великого жреца» идеи «самодержавия милостью Божией»¹⁷, такое благоговение импонировало; а вид несущихся на протяжении нескольких верст за его каретой экипажей, рискующих «ежеминутно быть опрокинутыми», «очень забавлял»¹⁸. Таким

¹⁶ Русская старина. 1878. № 12. С. 675.

¹⁷ Тютчева А. Ф. Указ, соч., С. 96.

¹⁸ Описание одного из эпизодов той же поездки Николая I, о которой рассказывается в «Записках» Стогова, встречаем у А. Х. Бенкендорфа: «Утром, при оставлении нами Тамбова, дамы в экипажах старались объехать государеву коляску, чтобы иметь счастье взглянуть на него; когда же мы выехали на широкую столбовую дорогу, то началась настоящая скачка: одни экипажи стремились опередить другие, рискуя ежеминутно быть опрокинутыми, что продолжалось несколько верст. Эта живая панорама счастливых и

образом, ни Стогову, ни боготворимому им императору, как и подавляющему большинству их современников, не приходила в голову мысль, что быть монархистом и растворяться, теряя свою личность, в толпе верноподданных — не обязательно одно и то же и что бурная любовь толпы недорого стоит по сравнению с верностью тех, кто готов служить царю и Отечеству, не унижая при этом своей личности.

Вспомнив формулу «служба царю и Отечеству», важно обратить внимание на акценты, которые Эразм Иванович в ней расставлял. Для него она прежде всего означала службу монарху — конкретному (пусть даже и стоящему «на недостижимой высоте») человеку. Отвлеченные рассуждения о благе Отечества, появившиеся у его более чутких к духу Просвещения современников, ему, по всей видимости, были чужды. Возьмем, к примеру, его разговор со Сперанским в Иркутске в 1819 г. На сделанное Сперанским заключение, что выпускники Морского корпуса, очевидно, являются большими патриотами, он отвечал:

— Да, мы очень любим государя.

хорошеньких личек, беспрестанно мелькавших перед глазами государя и ежеминутно сменявшихся новыми, очень его забавляла» (Отрывок из записок графа А. Х. Бенкендорфа // Русский архив. 1865. № 2. Стлб. 1177).

— А Россию?

— Да как любить, чего не знаешь; вот я еду более года и все Россия, я и теперь ее не знаю¹⁹.

Для сравнения любопытно привести мнение по тому же поводу ровесника Стогова — известного государственного деятеля А. М. Горчакова, который никогда не был потрясателем основ государственного устройства, но тем не менее в отличие от автора публикуемых «Записок» был человеком иной формации. Свою заслугу как дипломата он видел в том, что первым «в депешах стал употреблять выражение: «Государь и Россия». До меня, — говорил он, — для Европы не существовало другого понятия по отношению к нашему отечеству, как только «император». Граф Нессельроде даже прямо мне говорил с укоризною, для чего я так делаю. «Мы знаем только одного царя, — говорил мой предместник, — нам дела нет до России»»²⁰.

Скорее всего, Стогов (подобно многим образованным людям своего времени) слышал и об «естественном праве», и об «общественном

¹⁹ Русская старина. 1878. № 11. С. 523.

²⁰ Рассказы князя А. М. Горчакова // Русская старина. 1883. № 10. С. 168.

договоре», но эти отвлеченные теории не затронули ни его сердца, ни его души. Пожалуй, он даже порой симпатизировал тем, кто эти идеи разделял. М. М. Сперанский, Г. С. Батенков вызывали у него, например, гораздо больше симпатий, чем сибирский генерал-губернатор И. Б. Пестель и его ставленник Н. И. Трескин. Но по мышлению, по поведению он все же ближе к последним.

Также не под влиянием достаточно популярных в начале XIX века теорий просветителей сформировалось отношение Эразма Ивановича к праву, а под влиянием семейных традиций. Во-первых, перед ним никогда вообще не вставал начинавший беспокоить некоторых его современников (включая Александра I²¹) вопрос о том, может или не может монарх закон нарушить. Ответ очевиден: воля монарха, естественно направленная на благо России и подданных, сама

21 Можно, например, вспомнить его письмо к кн. М. Г. Голицыной, обосновывавшей свою просьбу к императору тем, что он выше закона: «Как скоро я себе позволю нарушить законы, кто тогда почтет за обязанность наблюдать их? Быть выше их, если бы я мог, конечно бы не захотел, ибо» я не признаю на земле справедливой власти, которая бы не от закона истекала» (Письмо Александра I к кн. М. Г. Голицыной от 7 августа 1801 г. // Русская старина. 1870. № 1. С. 44–45).

по себе закон. Во-вторых, у Эразма Ивановича была очень зыбкая граница между писаными законами и неписаными — т. е. традициями, «обычным правом». Как его отец, будучи судьей, судил крестьян прежде всего по справедливости, а не по закону, так впоследствии действовал и он. Сталкиваясь с крестьянскими волнениями, он не следовал слепо формальным требованиям закона и не добивался обязательного наказания виновных по суду. Дело здесь не в какой-либо особой доброте Стогова (как видно из его воспоминаний, он мог быть очень крут и без наказания (т. е. порки) бунтовщиков не оставлял), а именно в особенностях его правового сознания и приоритетах, т. е. в понимании того, что именно нужно для государственной пользы — восстановление поколебавшегося порядка и возвращение государю его временно заблудших, но преданных подданных или формальное наказание по закону, разрушающее крестьянское хозяйство и плодящее число озлобленных и недовольных. Надо отметить, что при всей типичности Стогова для николаевской России его стремление избегать соблюдения многочисленных бюрократических формальностей и добиваться успешного выполнения поручения, превращая серьезное дело в фарс, — достаточно редкое для чиновничества любой эпохи (а тем более для царствования Николая Павловича) свойство.

Характерная для правосознания Стогова ориентация на справедливость и традиции не менее ярко прослеживается и в его борьбе со взяточничеством. Он не стремится его искоренить как таковое, поскольку по его представлениям это абсолютно нереально (на то и мелкие чиновники, «крапивное семя», чтобы брать взятки); он борется с особенно зарвавшимися судейскими, берущими взятки и от одной, и от другой стороны. Причем вновь предполагается не открытое наказание по закону, а не видимое никому отеческое «объяснение» в тиши кабинета, но такое, «от которого сойдет с головы три мыла»²².

Действуя в рамках патриархальной традиции, Стогов неосознанно переносит образ «семейных» отношений на подчиненную его надзору губернию. Даже губернаторов — представителей государственной власти — он оценивает в первую очередь не по деловым качествам, а по внеслужебным отношениям, которые складываются между ними и местным дворянским обществом. При нем в Симбирске сменились три губернатора: А. М. Загряжский, И. С. Жиркевич, И. П. Хомутов. И в каждом случае Стогов очень большое внимание уделяет налаживанию контактов между

²² Русская старина. 1878. № 12. С. 646.

начальниками губернии и дворянами. Загряжскому он подсказывает имена двух главных «оппозиционеров» и советует помириться с ними, чтобы вернуть себе любовь общества. Сосредоточенность Жиркевича исключительно на делах и нежелание принимать участие в развлечениях местной знати побуждает его аттестовать Жиркевича начальству как человека честного, трудолюбивого, способного управлять тремя губерниями сразу, но — не больше и не меньше — как «вредного» для местного дворянства, которое способно «уважать губернатора, но когда он стоит во главе общества и делит с ним удовольствия». По мнению Стогова, как ни жаль с точки зрения службы, но «необходимо для общей пользы избалованного, но благородно преданного государю дворянства симбирского» сменить губернатора²³. При приезде нового губернатора возникли те же проблемы...

Из дел, о которых рассказывает Стогов, сравнительно небольшая часть может быть отнесена к делам хотя не всегда политическим, но все же имеющим отношение к охране общественного порядка, например:

— надзор за несколькими сосланными в

²³ Там же. С. 658; ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, д. 21, л. 292.

Симбирск неблагонадежными лицами (причем следует отметить, что отношение к ним у Эразма Ивановича спокойное, а порой сочувственное, как, например, к замешанному в деле декабристов П. И. Мошинскому, которому он старался помочь соединиться с семьей);

— неоднократно возникавшие крестьянские волнения;

— хлопоты по ликвидации раскольникового монастыря на р. Иргиз (правда, здесь он действовал как частное лицо, по личной просьбе князя А. Я. Лобанова-Ростовского);

— борьба с ворами (помимо описанного в «Записках» эпизода, можно вспомнить также о поимке приказчика, сбежавшего с деньгами хозяина²⁴).

Пожалуй, значительно больше времени и внимания у Стогова требует опека над симбирским обществом, о частной жизни представителей которого он знает «все». Борясь с лавиной нарастающего революционного движения в начале XX века, отдаленный преемник Стогова только в страшном сне мог бы подумать о том, чтобы, помимо «политики», взвалить на себя еще

²⁴ ГАРФ, ф. 109, оп. 223, д. 3, л. 121 об. (Отчет о действиях Корпуса жандармов за 1837 г.)

ответственность за предотвращение обольщения девиц, неповиновение детей родителям, неблагоприятные поступки родственников по делам о наследстве, злоупотребления опекунов и т. д.²⁵. Но через высший орган политической полиции, каким являлось III отделение, в эпоху Николая Павловича ежегодно сотнями проходили и такие жалобы, и следовательно, сотрудники III отделения и Корпуса жандармов должны были ими заниматься.

Эразм Иванович этой категорией дел занимался без всякого стеснения, чувствуя себя достаточно могущественным, чтобы порой, следуя личным симпатиям, отойти от должностных инструкций, например, разрешить тайно играть в запрещенные в то время азартные игры в карты, помочь двум гусарам и сбежавшим с ними девицам тайно обвенчаться. Знание семейных секретов могло стать мощным оружием в руках непорядочного человека, но если верить Стогову, то главным его достоинством в этом отношении было то, что он их не разглашал.

В связи с этим следует отметить такую деталь, важную как для характеристики работы

²⁵ Обзор деятельности III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии за 50 лет (1826–1876) // Вестник Европы. 1917. № 3. С. 100.

жандармского штаб-офицера, так и для оценки достоверности информации, содержащейся в «Записках». Приобретение знания «всего обо всех» могло осуществляться только одним способом, т. е. за счет сбора сплетен и слухов²⁶. (Очевидно, именно поэтому Эразма Ивановича так пугала перспектива утраты расположения местных дам — «родных друзей», после чего ему, по его собственному признанию, оставалось бы только застрелиться.) Об этом обстоятельстве нужно постоянно помнить, так как сам Стогов не всегда проводит границу между рассказами о том, что видел сам, и тем, что слышал от других.

Чтобы созданная Николаем I система исправно функционировала, необходимы были не

²⁶ Сбор слухов не являлся отличительной чертой деятельности только Стогова. Руководство III отделения всегда относилось к ним с большим вниманием. В архивных фондах этого учреждения частично сохранились донесения агентов, в которых рассказывается обо всем ими слышанном в дворянских салонах, на улицах, в местах скопления простого народа и т. д. «Штаб-офицеры, — предписывал Бенкендорф, — обязаны мне доносить о всех злоупотреблениях, до них дошедших, и донесения делают свои на слухах, которые они не имеют способа проверять подробным исследованием без предписания начальства, и потому не могут и ответствовать за достоверность оных» (Цит. по: *Оржеховский И. В.* Указ. соч. С. 63).

только опекавшие население жандармские штаб-офицеры, но и подданные, допускающие подобную опеку над собой. Для того чтобы начать тяготиться такой отеческой опекой, было необходимо почувствовать себя самодостаточной личностью, способной осознанно принимать решения и нести за них ответственность. Такими личностями могли быть не только лица, состоявшие в сознательной оппозиции системе, но с таким же успехом и люди, верой и правдой служившие царю и Отечеству, — достаточно было, чтобы они перестали уподобляться грибоедовским героям, способным унижаться и «жертвовать затылком» для того, чтобы быть «пожалованными высочайшею улыбкой».

В нашей исторической литературе практически не уделялось внимания изучению общественных настроений в провинции²⁷, а по столичной общественной элите об общественной жизни во всей России в целом судить нельзя. Пребывание Стогова в Симбирске приходится на 30-х гг. XIX в. В это время в столицах существовали литературные салоны, бурно обсуждалось, например, «Философическое письмо»

²⁷ В известной степени этот недостаток компенсируется в художественной литературе.

П. Я. Чаадаева, велись споры о путях развития России между будущими западниками и славянофилами, большим потрясением для россиян в начале 1837 г. стала гибель А. С. Пушкина. В воспоминаниях Стогова мы не встретим даже намека на отголоски этих событий. Боготворимое Стоговым симбирское общество проводит время в развлечениях; возмущается поступком губернатора Жиркевича, вытолкнувшего в гнев из своего кабинета проворовавшегося архитектора (а ведь архитектор — местный дворянин!); вступает в конфронтацию с губернатором Хомутовым, жена которого посмела сказать, что симбирское общество мелко для нее. И повод для конфронтации, и форма «протеста» — обструкция, устроенная дворянами Хомутову, весьма показательны для характеристики общества: мало того, что дворяне, сговорившись, не явились на устроенные для них губернатором бал и обед на 70–80 персон, так еще нарочно, дразня губернаторшу, всю ночь мимо ее дома гоняли пустые кареты.

Справедливости ради надо заметить, что портрет симбирского дворянского общества мог получиться не вполне адекватным, поскольку, бесспорно, в выборе сюжетов повествования, оценках ярко проявился менталитет самого автора мемуаров.

А ему весельчак Г. В. Бестужев, неслыханно обрадовавшийся возможности, выдал болезнь племянника за свою, на старости лет «показаться молодцом» и раззвонить по всему городу о печальных последствиях своих любовных похождениях, гораздо ближе, чем губернский предводитель М. П. Баратаев. Баратаев упоминается в «Записках» лишь как жертва грязной сплетни, пущенной губернатором Загряжским. А между тем это был один из очень образованных и интересных людей своего времени, тем более явно заметно выделявшийся среди провинциальных дворян. Он, например, увлекался поэзией, нумизматикой, был знаком со многими видными деятелями русской (А. И. и Н. И. Тургеневыми, И. А. Гончаровым и др.) и грузинской культуры (он происходил из старинного рода грузинских князей, был родственником известного грузинского поэта Н. Бараташвили)²⁸. Были и другие примеры. Но в целом, очевидно, нет оснований сомневаться в том, что Стогов и обожаемое им симбирское общество идеально подходили друг другу, а потому находили общий язык лучше, чем его коллеги и представители столичной культурной элиты.

²⁸ Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1992. Т. 1. С. 157.

Дошедшие до нас официальные материалы III отделения показывают нам, что служба Стогова высоко оценивалась начальством. Его имя неоднократно выделяется среди особо отличившихся штаб-офицеров; и даже отмечается, что в июле 1835 г. его действия при приведении в исполнение сенатского указа об отмежевании помещице Нефедовой земель из владения татар в Сызранском уезде обратили на себя благосклонное внимание императора ²⁹. А в Отчетах А. Х. Бенкендорфа за 1835–1836 гг. на основании отзывов губернатора И. С. Жиркевича и направленного по высочайшему повелению в Симбирск кн. А. Я. Лобанова-Ростовского в связи с крестьянскими волнениями, возникшими при переводе казенных селений в удельное ведомство, он прямо характеризуется как «главнейший участник» событий, проявивший «чрезвычайное усердие» и «особенное благоразумие»³⁰.

Но во время упомянутых крестьянских волнений между Стоговым и чиновниками

²⁹ ГАРФ, ф. 109, оп. 223, д. 2, л. 101 об. (Отчет о действиях чиновников Корпуса жандармов за истекший 1835 год).

³⁰ Там же, л. 103 об. (тот же отчет); л. 207–207 об. (Отчет... за 1836 г.). Датировка В. А. Черных (Указ. соч. С. 332).

удельного ведомства, которых он называл главными виновниками событий, возник острый конфликт. И в результате, очевидно, в 1837 г. он принял решение о переезде в Киев и уходе из Корпуса жандармов. До 1852 г. ³¹ он был управляющим канцелярией Киевского генерал-губернатора Д. Г. Бибикова, затем вышел в отставку в чине полковника.

Как уже отмечалось, Стогов был теснейшим образом по службе и по духу связан с царствованием Николая I, и весьма символично, что его выход в отставку совпал с уходом самого императора; символичен и разговор между ними во время их последней встречи в 1850 г. Николай спросил:

«— А ты, старый драбант ³² ... все еще служишь?

— Устарел, ваше величество, хочу в отставку.

— Погоди, вместе пойдем»³³.

Наступала другая эпоха, за которой Эразм

³¹ Русская старина. 1878. № 12. С. 704.

³² *Драбанты* — в Средние века особые отряды для охраны начальствующих лиц.

³³ Русская старина. 1886. № 10. С. 127.

Иванович наблюдал уже как зритель. Последние годы жизни он провел в своем благоприобретенном имении Снитовка Летичевского уезда Подольской губернии, где умер 17 сентября 1880 г. Перед смертью, успокаивая дочь, он говорил: «Не плачь, Юша, о чем плакать? Ты видишь, я говорю без отчаяния, без горечи, пожил долго и счастливо, благодарю Господа и без ропота пойду, когда Он призывает меня!»³⁴.

* * *

Завершая рассказ об Эразме Ивановиче Стогове, можно сказать еще несколько слов. Его мемуары нельзя назвать хорошо известными широкому кругу читателей; но тем не менее занимательные рассказы «веселонравного» моряка и жандарма время от времени привлекали внимание любителей старых исторических журналов. В результате — в начале 1960-х гг. молодой лейтенант, командир брига «Михаил» Эразм Стогов воскрес на страницах повести для детей «Иди

³⁴ Змунчила Э. И. Последние дни Эразма Ивановича Стогова (Письмо его дочери в ред. «Русской старины») // Русская старина. 1886. № 10. С. 125–128. Русский архив. 1889. № 7. С. 396–397.

полным ветром» Ю. Давыдова. Писатель, посвятивший свое произведение известному мореплавателю Ф. Ф. Матюшкину, позаимствовал у Эразма Ивановича забавный рассказ о женитьбе английского путешественника Кокрена, а заодно ввел и самого мемуариста в число действующих лиц. Но на этом сходство литературного героя со своим прототипом и его судьбой заканчивается. В повести лейтенант Эразм Стогов погибает при столкновении русского и турецкого флотов во время греческого национально-освободительного восстания.

* * *

При отборе материала для данной публикации за основу был взят подготовленный к изданию самим автором первый журнальный вариант «Записок» 1878–1886 гг., из которого были исключены главы, касающиеся службы Стогова в Сибири ³⁵ (исключение сделано для главы о

³⁵ Исключение этих глав диктовалось более скромными задачами и объемом данной публикации. Предложение же, высказанное В. А. Черных, о целесообразности подготовки полного академического издания «Записок» Э. И. Стогова мне кажется перспективным (*Черных В. А. Указ. соч. С. 336*).

встречах автора со Сперанским и Батенковым в Иркутске в 1819 г.). В этом варианте деятельность жандармского штаб-офицера описана несравненно подробнее и красочнее, чем в варианте 1903 г. Текст журнальной публикации 1878–1886 гг. был сверен с хранящимся в ИР ЛИ оригиналом³⁶.

Рукопись Стогова, за исключением раздела по Симбирску, не подвергалась сколько-нибудь серьезной редакторской правке: в ряде случаев были изменены окончания слов с целью согласования главного и придаточного предложений; авторский текст для удобства чтения разбит на абзацы, которые в оригинале практически отсутствовали. Эти изменения сохранены и в данной публикации.

Что же касается раздела по Симбирску, то здесь правка была достаточно солидной: редакция опустила упоминание о рапорте «в юмористическом духе», в котором фактически высмеивался заболевший от страха губернатор; резкие характеристики разного уровня чиновников удельного ведомства; упоминание о смещении Стоговым «надоевшего» архиерея; о способах завоевания новым жандармским штаб-офицером авторитета у местного общества; о его «проверках»,

³⁶ ИР ЛИ, ф. 265 («Русской старины»), оп. 1, д. 2657–2658.

«шутках» его друзей и его самого над местными дворянами и т. п. В данном издании авторский текст восстанавливается полностью; отрывки, отсутствовавшие в предыдущей публикации, отмечены квадратными скобками.

В первом варианте записок имена практически всех упоминаемых лиц были скрыты (и в публикации, и в рукописном оригинале) под начальными буквами фамилий. Во втором опубликованном варианте незначительная часть имен раскрывалась на основе авторской рукописи, поступившей в редакцию в начале XX века. В данной публикации фамилии всех установленных лиц приводятся полностью.

Изменен (по сравнению с 1878–1886 гг.) порядок публикации отобранных глав: они располагаются в хронологической последовательности³⁷.

Поскольку в публикации 1903 г. содержатся некоторые, хотя и незначительные, но любопытные дополнения (например, относительно настроений

³⁷ Ч. I — Стогов Э. И. Посмертные записки // Русская старина. 1886. № 10. С. 77–128; ч. II — Э[разм Стого]в. Очерки, рассказы и воспоминания. Гл. IV // Там же. 1878. № 11. С. 499–530; ч. III — То же. Гл. V // Там же. 1878. № 12. С. 631–704

русского общества в 1812 г., характере отношений между мемуаристом и Л. В. Дубельтом и т. п.), было решено привести их в подстрочных примечаниях со ссылкой на соответствующий номер «Русской старины» за 1903 г.

К тексту «Записок» было решено добавить 3 приложения.

Первое из них — самостоятельная глава из публикации 1903 г., в которой рассказывается о женитьбе Эразма Ивановича, — является прямым дополнением к описанию его жизни в Симбирске³⁸. Кроме того, описание семьи дворян Мотовиловых может представить интерес для поклонников творчества Анны Ахматовой, которая была внучкой Эразма Ивановича и его жены Анны Егоровны (урожденной Мотовиловой). Известно, что сама Анна Андреевна рассказывала, что в качестве псевдонима выбрала девичью фамилию своей прабабки, которую она называла «татарской царевной». Как сможет убедиться читатель, творческое воображение Ахматовой существенно изменило образы реальных предков — ее реальные прадедушка и прабабушка по материнской линии больше походили на типично русских

³⁸ Записки Э. И. Стогова. Ч. VIII // Русская старина. 1903. № 5. С. 307–330.

провинциальных дворян типа капитана Миронова и его супруги из «Капитанской дочки» Пушкина.

Второе — письмо дочери Стогова (И. Э. Змунчиллы)³⁹, рассказывающее о последних днях жизни и смерти мемуариста. Оно является логическим завершением жизнеописания Стогова и последним очень колоритным штрихом к его автопортрету.

Третье — секретная инструкция чиновнику III отделения⁴⁰, текст которой помогает уяснить представления высших властей о задачах жандармских штаб-офицеров и круге предоставляемых им полномочий.

Эразм Стогов Воспоминания

I

М[илостивый] г[осударь] Михаил

³⁹ *Змунчила Э. И.* Последние дни Эразма Ивановича Стогова (Письмо его дочери в ред. «Русской старины») // Русская старина. 1886. № 10. С. 125–128.

⁴⁰ Русский архив. 1889. № 7. С. 396–397.

[К издаваемому вами журналу «Старина» вы приложили мой портрет для доказательства, что у «Старины» и сотрудники старики. Это расчет редактора и издателя; но выставив меня на сцену перед вашими читателями, вы вызываете меня рассказать о нравах во времена моего младенчества и юношества. С начала знакомства нашего] вы изъявляли желание, чтобы я написал подробно о моей жизни все, что сохранила моя память; это называется, кажется, автобиография; я не соглашался, мое убеждение было, что жизнеописание принадлежит людям почему-нибудь славным, гениальным и, по крайней мере, возвысившимся над средним уровнем народа: такие жизнеописания служат поучением читателям.

Я был и есть человек толпы, моя жизнь прошла по течению, не выделяясь из 80 миллионов. Конечно, долгая жизнь не могла пройти без борьбы с препятствиями, без счастья, несчастья. Все это было так мелко, так незаметно, как в любой из жизней 80 миллионов. [Опираясь на мои убеждения, я спорил с вами и не соглашался, но

⁴¹ Послание обращено к М. И. Семеvскому, бывшему в 1870–1892 гг. редактором журнала «Русская старина».

чтобы исполнить, хотя частично, ваше желание,] я счел достаточным в моих простодушных и искренних рассказах поместить периоды моей службы. Так, вспомнив о жизни Сперанского в Иркутске, я коснулся причин решимости моей ехать в Камчатку. Вспоминая об Иринее, я рассказал о невольном занятии должности начальника Адмиралтейства⁴². Вспоминая о службе моей в Симбирске, я объяснил причину желания моего перейти из флота и удачу поступления в корпус жандармов. Заканчивая службу в Симбирске, я кратко упомянул о невольном поступлении моем на службу в Киев, где и окончилась моя почти сорокалетняя служба. Мне казалось слишком довольно для публики о такой скромной жизни. [Но, невзирая на мои доводы, вы продолжали требовать, а я не соглашался; но вы нашли средство покорить человека прошедшего века! Очень естественно, вы — человек современной цивилизации и далеко ушли вперед с того пункта, где я остановился. Видя мое упорство, вы

⁴² В данном случае Адмиралтейство — государственное предприятие, расположенное на берегу реки или моря, предназначенное для выполнения работ по ремонту и длительному хранению кораблей. Стогов занимал должность начальника иркутского Адмиралтейства в 1830–1832 гг.

приложили мой портрет к «Старине». Я не назову это хитростью, а настойчивостью достигнуть своего желания и покорить мое упорство. Итак,] мой портрет пред читателями «Старины»; волею-неволею приличие требует сказать без утайки — кто я такой. Уж если вы, уважаемый Михаил Иванович, по праву редактора и издателя журнала, заставляете меня высказываться, то я имею право оговориться: в разное время я вел записки для памяти, были и рисунки замечательных мест; одни записки зачитались, другие исчезли с многими переездами, рисунки украли в Якутске. Следовательно, рассказ мой есть воспроизведение памяти. Что будет искренно и только правда — за это я отвечаю, а что не будет последовательности, будут пропуски, — на том не взыщите, портрет мой будет моим оправданием, — в такой старой голове отвердевший мозг не легко поддается впечатлениям воспоминания давно прошедшего.

* * *

Биографии, автобиографии начинают свой рассказ о происхождении своих фамилий, своих предков, роются в истории; мне, к счастью, не придется трудиться в этой бесплодной работе, мне не пришлось и пожить на своей родине. Все, что я знаю, мне известно из рассказов отца моего.

Документов фамильных я не видал, да едва ли они и сохранились, — бедным людям не до истории. Отец мой слышал от своего отца, тот от своего и так далее.

Отец мой передавал мне, что, по преданию, наши предки выселены из Новгорода Иоанном Грозным⁴³. Это основательно подтвердил мне Александр Николаевич Муравьев, служивший городничим в 30-х годах в Иркутске; он говорил мне, что он сам читал в своих фамильных записках, между многими фамилиями, подвергнувшимися остракизму⁴⁴ из Новгорода, вместе с Муравьевыми упоминаются и Стоговы⁴⁵; Муравьевы близко нас живут. В тогдашних московских пустошах дана

⁴³ Имеется в виду поход 1569–1570 гг. Ивана IV Грозного на Новгород и Псков, сопровождавшийся разгромом этих городов, массовыми убийствами, выселением многих знатных семей за пределы бывшей Новгородской республики.

⁴⁴ В древних Афинах изгнание из города отдельных лиц по постановлению народного собрания.

⁴⁵ От старожилов новгородских я узнал, что несколько местностей — теперь пустырей, заросших лесом, носили название Стоговы пустоши, Стоговы озера и проч. (*Русская старина*. 1903. № 1. С. 131–132).

маетность⁴⁶ Золотилово, где и до сих пор рождаются Стоговы: Золотилово⁴⁷, Московской губернии, Можайского уезда, от Можайска 25 верст по Смоленской дороге⁴⁸.

⁴⁶ Недвижимое имение, вотчина (В. И. Даль).

⁴⁷ С 6-ю душами крепостных... в 20-ти верстах от Можайска по Смоленской дороге (*Русская старина*. 1903. № 1. С. 132).

⁴⁸ Отец рассказывал, что при Екатерине II было генеральное межевание (Генеральное межевание — точное определение границ земельных владений отдельных лиц, городов, церкви и др., проводившееся в 1765–1861 гг.), а Золотилово должно было быть отмежевано к Смоленской губернии; комиссия исполнила просьбу деда, несколько деревень отмежевала к Москве. Золотилово составило границу и клином врезалось в Смоленскую губернию.

Земля в Золотилове до того бесплодная, что без навоза не производит никакой сорной травы, а если рожь на удобренной земле родится сам-третий (Сам-третий — т. е. в три раза больше, чем сеяли.), то считается хорошим урожаем. Посеву было всего 11 десятин (Десятина — русская поземельная мера; в XVIII–XIX вв. существовали различные виды десятин (напр., косяя, сотенная и т. п.); в данном случае речь скорее всего идет о казенной десятине, равной примерно 1 га.). Трудно понять, как отец жил от такого скудного хозяйства? Долгов никогда не имел, были все сыты, одевались по-дворянски и на все доставало. Правда, более 200 дней в году было постных (Стогов не преувеличивает: постными

Предание говорит, что Стоговы в Новгороде были богаты, дед мой, Дмитрий Дементьевич⁴⁹, владел селением на Беле Озере, вместо оброка ежегодно получал рыбу, что помнит хорошо мой отец, но в один год рыбы не привезли, а приехал староста и доложил, что приехал другой помещик и потребовал оброк. Дедушка махнул рукой, тем дело и кончилось.

Дедушка служил; знаю, что был военный; из

считались среда и пятница каждой недели, Великий пост (49 дней), Петров пост (от 42 до 8 дней), Успенский пост (15 дней) и Рождественский пост (40 дней).), но все-таки трудно свести концы с концами при скудных средствах — однако жили и кормили детей, да и бедный не уходил голодным, особенно странники. Именины, рождения отца и матери справлялись со многими гостями. Делались ежегодно приношения в монастырь Колоцкой Божией Матери (Колоцкий мужской монастырь 3-го класса, основанный в XV в. на берегу р. Колочи по случаю явления иконы Богородицы; располагался в Гжатском у. Смоленской губ.) в двух верстах от Золотилова. Попала мышь в горшок, утонула курица в колодце, ни есть из посуды, ни пить из колодца нельзя, пока не освятит монах. Как припоминаю, жили прилично; ездили Великим постом ежегодно в Москву для годовых покупок (*Русская старина. 1903. М 1. С. 135*).

⁴⁹ Сведений о деде мемуариста и других его родственниках не сохранилось; с его слов можно установить лишь примерные годы жизни его родителей.

всей службы его мне известно, что он препровождал в Охотск какого-то важного преступника и что он ездил на лосях, вероятно, на оленях. Я деда не помню, но весь околородок⁵⁰ знал, что он был колдун.

Отец рассказывал мне два случая: через Золотилово идет дорога в Ельну, куда и мы были прихожане. Ехала дворянская свадьба; дедушку забыли позвать. Подъехала свадьба с поезжанами⁵¹ к околице⁵², лошади на дыбы и не пошли — худая примета; другие, третьи сани, лошади нейдут в ворота околицы; тогда вспомнили о своей ошибке, что не пригласили Дмитрия Дементьевича. К нему — дедушка спит. Просили, кланялись в ноги, но известно — колдуны скоро не прощали. Наконец, дедушка простил, взял лопату и метлу, да неизбежный ковшик воды с углем, лег в воротах, заставил всех читать молитву, а сам стал сражаться

⁵⁰ Околородок (околородок) — подразделение полицейского городского участка в дореволюционной России.

⁵¹ Поезжане — лица, находящиеся в составе свадебного поезда.

⁵² Околица — изгородь вокруг деревни или ворота (проход) в этой изгороди при въезде в деревню.

с нечистым; разгреб снег, размел метлой, обошел поезд по солнцу, опрыскал водою и провел первые сани — поезд проехал. Как ни звали деда на свадьбу — не поехал.

— Как же, батюшка, наколдовал дедушка?

— Если, братьей ты мой, пересыпать дорогу порошком толченой печени медведя, то лошадь через дорогу не пойдет.

Друг деда приехал из Вятки, гостил две недели; тогда всякий помещик гнал водку, была не купленная. Дед упрашивал погостить еще два дня, друг не соглашался; отворяют конюшню, чтобы запрягать лошадей, коренная лежит без движения. Друг догадался, что это шутка деда, согласился гостить два дня. Дед заперся в конюшне; все слышали, как он с кем-то бранился, и слышали стук, борьбу. Дед отворил конюшню, и конь коренной здоров и весел.

— Как же это, батюшка?

— А если, братец ты мой, сделаешь из воска шарик с орех, да в середину закатать язык змеи и положить шарик в ухо лошади, то она упадет и скорее умрет, чем сделает движение; вынуть из уха шарик — лошадь веселее прежнего.

Раз отец с моим дедом шли по слободе⁵³

⁵³ Слобода — вид поселений, возникших возле крепостей, городов, жители которых освобождались от налогов и

Колоцкого монастыря (версты две от Золотилова); в одном доме была крестьянская свадьба; дед с отцом присели на завалинке, дед сказал: «Надобно, чтобы они подрались», и действительно, после ссоры и ругани мужики вышли из избы и на улице пошли кулаки.

— Как же это, батюшка?

— Этого, братец ты мой, я не должен объяснять тебе.

— Почему же, батюшка?

— Грех делать зло людям.

Я деда не помню, но отец рассказывал, какой молодец был мой дед.

Раз привели цыгане дикую лошадь, никто и подойти не мог; дед при гостях подошел, быстро прыгнул, лошадь била и унесла. Через два часа дед приехал на лошади шагом, а ему было под 70 лет. При этом дедушка с укоризною сказал бабушке: «Ни одного в меня не кинули». Тогда это была острота; отец говорил, что гости много хохотали.

Отец показывал мне место с краю Москвы, где дед пускал свою лошадь на траву; он часто ездил в Москву верхом (120 верст).

— Лошадь не украли?

повинностей. Начиная с XVIII в. слободы, сохранив свое название, превратились в обычные села, деревни, городские кварталы.

— Тогда, братец, не воровали лошадей.

Сохранилась расходная записка о поездке в Москву с бабушкою за годовым запасом. Платили дорогою на постоялом: за ночлег полушку⁵⁴, за ужин себе — деньгу⁵⁵, за лошадей деньгу, запаса в Москве на десять рублей.

У дедушки было три сына: Михаил, Иван и Федор. Были ли дочери — не знаю. Сыновья служили в армии; мой отец, Иван, был бессменным ординарцем Суворова, который за молодость звал его — Мильга; а кончил службу у Потемкина, был при его кончине. Прослужив 18 лет, вышел в отставку подпоручиком; медалей у него было много: и осьмиугольные, и круглые, и эллипсом. Рассказывал отец много. Дисциплина тогда была строгая; ездивши с Потемкиным в карете, должен был стоять навытяжку во весь путь. Отец был замечателен тем, что к нему не приставала чума, а поэтому он часто был начальником чумных лазаретов.

— Я, братец мой, ел с ними, спал на их кроватях.

— Как же вы, батюшка, не боялись?

⁵⁴ Полушка — самая мелкая монета, равная 1/4 копейки.

⁵⁵ Деньга — мелкая монета, равная 1/2 копейки.

— А молитва, братец, от всего сохранит, бывало все в дегтю, а я не пачкался.

— Батюшка, при вас брали Одесс?

— Эх, братец, какой Одесс, мы брали Хаджи-бей⁵⁶. Мы с Дерibasом тихо подошли перед зарей, так тихо, что колесы у пушек были обмотаны соломой, тесаки обмотаны паклей. Пришли и стоим, никто и шепотом не говорил. Только стало всходить солнце, смотрим: крепость тихо поднялась на воздух, покачалась, покачалась, да и развалилась надвое. После мы и строили Одесс.

Мой отец очень любил рассказывать о старине. Певал он принятые тогда в армии припевы, например, большой припев при ограждении лагеря рогатками. Расходились спать по палаткам, и много припевов. Зачем я не записал? — Не думал, «Старина» потребует моих воспоминаний. Помнил отец мой весь артикул того времени. Развеселившись, отец захотел показать мне кой-что из артикула. Я скомандовал: «Налево кругом!»

— Не так, братец, направо кругом, — ружье к ноге, ружье спереди себя, перемени руки, правую ногу вперед, ногу на место, левую ногу вперед —

⁵⁶ Хаджи-бей — татарское поселение, вошедшее в состав России по Ясскому мирному русско-турецкому договору (1791); в 1795 г. было переименовано в Одессу.

всякое движение с приговором.

Чтобы сделать направо кругом — я насчитал до 18-ти темпов! Настоящий танец. Вместо «марш» командовалось «ступай». Что за удивительный народ был тогда! Отец рассказывал, что они с Суворовым зимою формировались в Полтаве, им много привели рекрут⁵⁷, отец имел капральство⁵⁸. Был отдан приказ — девятерых забей, а десятого выучи.

— Ко мне в капральство попали два из духовного звания; здоровяки, молодые. Они всегда держали нагнувши голову так, что бороды касались груди. Что я ни делал и как ни наказывал — не помогало. Я сделал заостренные лучинки и каждому по две лучинки одним концом упер в грудь, а острыми концами подставил по сторонам бороды. Что же ты думаешь, лучинки прокололи в рот, а бороды уперлись в грудь.

— Батюшка, вы видели, как кончался Потемкин?

⁵⁷ Рекрут — в русской армии в 1705–1874 гг. лицо, зачисленное в армию в соответствии с рекрутской повинностью.

⁵⁸ Капрал — воинское звание младшего командного состава в России в конце XVIII — начале XIX в.

— Я, братец, стоял в ногах.

— Не помните ли, что он говорил?

Он сказал: «Доктор, спаси меня, я полцарства дам тебе» (что это — пародия Шекспира?). Доктор поднес ему образ и сказал: «Вот твое спасение». Потемкин крепко прижал образ и скончался.

Четыре раза гостивши у меня в Киеве, много рассказывал отец; рассказы весьма любопытные для современников, но не записал — жалею.

Старший брат отца, Михаил, был капитаном, отец называл его мудрым, он управлял всем полком. Полк стоял в Варшаве; Михаил влюбился в польку, женился, через неделю жена ушла; Михаил нашел ее в публичном доме. Сошел с ума и в тихом, молчаливом сумасшествии долго жил у моего отца.

Меньшой, Федор, вышел тоже подпоручиком в отставку; холостой, захотел отделиться, а так как Золотилово состояло из 30 душ, то в уважение того, что Михаил жил у отца, Федор взял 10 душ и пустошь Соловьево.

Михаила я хорошо помню; он был выше моего отца, говорят, необыкновенно силен, всегда молчал, любил очень мою мать; бывало, вспыльчивый мой отец расшумится, Михаил молча, одной рукой вытолкнет его за дверь и дверь на крючок — все молча. Я не видал его улыбки. Отец уважал его как старшего брата. Отец рассказывал мне, когда я родился, Михаил целые часы носил

меня и гладил. Раз в сумерки топились печи в Золотилове, дядя Михаил носил меня по зале, в комнате никого не было, случайно входит Никита и видит — Михаил поднес меня к печке, полной жару, гладит меня, называет «заинька» и хотел изжарить. Никита бросился, схватил меня и сказал:

— Михаил Дмитриевич, что вы, сударь, опомнитесь!

Дядя отдал меня, взялся за голову и начал молча ходить, что он делал постоянно. В Можайск его не брали.

— Батюшка, как вы познакомились с моею матушкою?

— Зачем, братец, знакомиться: покойный батюшка приказал: «Иван, поезжай в Рузу к Максиму Кузьмичу Ломову, у него одна дочь, Прасковья, ты на ней женись, я уже все сладил, и приезжай с женой. Очень не хотелось мне жениться. Я дорогой нарочно не мылся, выпачкался, нарочно разорвал брюки на коленях, разорвал локти сюртука — думал, откажут, ничего не помогло, сыграли свадьбу, и я вернулся с женою.

— Почему же вы не сказали своему отцу, что вы не желаете жениться?

— Как можно, братец, сказать отцу! Божия заповедь — чти отца твоего — тогда все жили по заповедям, скажи-ка я — угодил бы на конюшню.

Я родился в 1797 году, февраля 24 дня, в

Золотилове; я первый сын. У отца моего был слуга Никита, он был неразлучен с отцом всю его службу; это был преданный, честный и трезвый человек; в один час со мною у Никиты родился сын Иван и был назначен мне в слуги.

Я себя помню необыкновенно рано, хорошо помню старую мою няню, а более еще помню заткнутый за пояс сарафана крашенинный⁵⁹ синий с белыми точками платок; когда няня брала платок, то я уползал под софу, под стол, так боялся я этого платка, и немудрено — бывало, няня утрет мне нос жестким платком, то мало что выступают слезы из глаз, да долго летают искры кругом.

Мать рассказывала мне, что я родился в голодный год, жить было очень трудно, у ней не было молока, но она была рукодельница, делала из разноцветной бумаги, сплетая в узелки, корзинки, коробочки, посылала продавать и покупала для меня молоко.

Мать моя, Прасковья Максимовна, считалась первой красавицей по уезду; помню ее живой румянец, прелестную улыбку, русые длинные волосы, всегда улыбающиеся темно-серые веселые глаза, тихий, приятный голос; она считалась

⁵⁹ Крашенинный — шитый из крашенины, грубой крашеной ткани домашнего изготовления.

неподражаемой хозяйкой, была цивилизованной между подругами соседками, потому что умела писать. Обе бабушки мои были неграмотны. На вопрос мой отцу: «Как же это дворянки, помещицы, а не знали грамоте?»

— А на что, братец, женщине грамота, ее дело угождать мужу, родить, кормить и нянчить детей да смотреть в доме за порядком и хозяйством, для этого грамота не нужна; женщине нужна грамота, чтобы писать любовные письма! Прежде девушка-грамотница не нашла бы себе жениха, все обегали бы ее, и ни я, ни отец мой не знали, что твоя мать грамотница, а то не быть бы ей моею женою.

Мать моя секретно от всех домашних пряталась на чердак и копировала с печатных страниц, что и можно видеть из сохранившегося у меня единственного письма ее ко мне 1820 г., послал бы в редакцию, — да жаль расстаться, только одно и сохранилось у меня письмо моей матери, писанное ко мне в Охотск. Мать моя как говорила, так и писала, она не могла различить букв «б» от «п», «г» от «к», «ж» от «ш». Мать моя была — сама доброта, скромная, тихая, любима всеми; я только и помню одни ее ласки, любил я ее до обоготворения и молюсь за упокой ее души! Отец мой был другого характера, он был до конца жизни суворовский сослуживец, ростом 2 аршина 7

вершков⁶⁰, сложения сухощавого, мускулистый и замечательно силен и необыкновенно перенослив в физических трудах; до конца жизни держался прямо; вспыльчив, в доме и даже между близкими родными — властитель! Мне говорили, что он никогда не сказал лжи. Старшим по службе, богатым по состоянию не только не кланялся, унижаясь, но был крайне подозрителен, как говорится — был щекотлив, малейшее чванство осаживал, несмотря на лицо. Я много слышал о прямоте и гордости отца; чтобы не забыть, расскажу характерный случай, который и подтвердил мне отец.

В Можайске отец мой служил судьёю по выборам⁶¹. Вздумал объехать Московскую

⁶⁰ Т. е. примерно 174 см (старинные русские меры длины равны: 1 вершок = примерно 4,5 см; 1 аршин = 16 вершкам = примерно 71 см).

⁶¹ Согласно «Учреждениям для управления губерний Всероссийской империи о губерниях» 1775 г., в губернских учреждениях примерно 1/3 штатного состава чиновников замещалась лицами, выбранными местными дворянами из своей среды; в уездах число лиц, занимавших должности в местном управлении на основе выборов, было еще больше. В данном случае, скорее всего, отец мемуариста был главой уездного сословного суда.

губернию главнокомандующий Москвы князь Голицын, известный барич, пропитанный парижским воспитанием; посетил он со свитой можайский уездный суд; конечно, он не ревизовал дел; обратясь к моему отцу, спросил, отчего видит мало служащих? Отец отвечал, что канцелярские приходят на службу по очереди; «Для чего так?» — «Для того, что у двоих одни сапоги, да и у многих один сюртук на двух».

— Какая же тому причина?

— Жалованья три рубля в месяц, трудно одеваться.

Отцу показалось, что князь смотрит внимательно на судейское просиженное кресло, которое, вероятно, стоит тут с учреждения суда; гордому отцу подумалось, не подозревает ли князь в обычных взятках судью, отец не выдержал:

— Вы, князь, внимательно смотрите на мое кресло, я приглашаю вас сесть и уверяю — не замараются, князь: на этом кресле я сижу!

Князь, конечно, был удивлен, слыша непривычный для него язык.

— Для чего вы мне это говорите?

— А для того, чтобы сказать, что есть честные люди и на кресле судьи! Еще прошу, можете сесть и не замараются.

Князь скоро ушел, думая, что отец мой сумасшедший, но после узнал, что с ним говорил

честнейший, хотя и бедный человек. После князь судье и канцелярии прислал денежное награждение.

Отец мой не очень любил читать гражданскую печать, но зато в церковных книгах был великий знаток. Он писал: «Імператорь, Іванъ, пісмо, пісаль, чісло» и проч.; своей орфографии был постоянно верен. Был очень богомолен и строго соблюдал посты. Хорошо помню, как приезжал к нам игумен⁶² Колоцкого монастыря упрашивать отца помочь отправить всенощную⁶³ по уставу Феодору Тирону⁶⁴, — кажется, бывает постом. Помню, как отец с книгою переходил с клироса на клирос⁶⁵ и звонким тенором что-то читал, и клиросы

⁶² Игумен — настоятель монастыря.

⁶³ Всенощная, или всенощное бдение — вечернее богослужение в православной церкви, совершаемое накануне особо чтимых церковных праздников и накануне дней, в которые совершается поминовение святых, чтимых в той или иной местности.

⁶⁴ Федор Тирон — раннехристианский великомученик, чье поминовение совершается 17 февраля (по ст. ст.) и в субботу первой недели Великого поста.

⁶⁵ Клиросы — места для певчих, располагающиеся на возвышении перед иконостасом с правой и левой стороны.

подхватывали; отец во всю службу командовал в церкви, и его слушались⁶⁶.

⁶⁶ Эту характеристику частично дополняет, частично противоречит ей отрывок из мемуаров, опубликованных в 1903 г.:

Отец мой был совершенно нравственный человек, всю жизнь не знал вкуса в водке и вине, не дотрагивался до карт, был до крайности богомолен, посты соблюдал до аскетизма; все знали его как честнейшего и совершенно бескорыстного человека. Воспитание миновало его, церковную печать читал свободно, ну, а гражданскую — не очень быстро; да и считал греховным читать гражданскую книгу, писал тоже по старинке «Императоръ» и тому подобное. Написать письмо даже ко мне ему нужно было не менее двух-трех черновых и чтобы во всем доме была ненарушимая тишина; помню, когда делал конверт, и тогда никто не смел пройти по соседней комнате. Нрава был серьезного, улыбка была редкой гостьей, и тогда непривычное лицо делало какую-то страдальческую гримасу. В опасных случаях был крайне смел, должно быть, был храбр. Характера был чрезвычайно вспыльчивого, над зависящими от него был неумолимо строг, даже жесток, перед людьми, на вершок выше его стоящими в иерархии — унижался до последней степени — клал земные поклоны, — таково было время его юности.

Родился он в 1766 или 1767 году, умер в 1852. Будучи в отставке, до старости служил по выборам: городничим, судьей, казначеем, и помню, был содержателем соляных магазинов. Верил отец, не рассуждая: молитва, пост, все постановления церкви — исполнял неотступно, строго, но верил в колдовство и в постоянную деятельность черта; надеть жилет, галстух, не перекрестясь, он не решился бы, но,

* * *

Меня тянет к воспоминаниям моего младенчества, которое неинтересно, как и вся моя жизнь, но для меня младенчество имеет такой же интерес, как и вся моя жизнь.

Верстах в пяти от Золотилова есть село Праслово, там жил богатый помещик Борис Карлович Бланк, отец известного писателя экономиста Петра Бланка⁶⁷. Отец мой был коротко знаком. В летний день отец с матерью собрались сходить пешком в Праслово. Отец пошел вперед.

исполнив все по своему убеждению, он уже ничего не боялся (*Русская старина*. 1903. № 1. С. 134).

⁶⁷ Сведения Стогова о том, что П. Б. Бланк был известным экономистом, подтвердить не удалось. Редактор журнала «Русский архив» П. А. Бартенев, публикуя мемуары его брата-близнеца Василия Борисовича, сообщает, что Петр Борисович был известным деятелем Тамбовской губернии, автором книги «О съедобных грибах в России». Очевидно, Стогов спутал Петра Борисовича с его старшим братом — Григорием Борисовичем, который после выхода в отставку в 1850-х гг. активно выступал в печати (в том числе в «Трудах Вольного экономического общества»), защищая крепостное право, которое, по его мнению, являлось оригинальной и благотворной особенностью русской жизни.

Мать не могла, видно, расстаться с первенцем, взяла меня с собою; когда догнали отца, он сердился на мать, зачем взяла меня, что я устану, а он не понесет. Прошли с версту, я сел и говорю: «Устал». Кажется, мать была беременна, отцу было жаль мою мать. Как теперь гляжу на ореховые кусты, между которыми шла тропинка. Отец вырезал орешину, очистил головку и говорит:

— Эразм, какого я дам тебе коня, только смотри, чтобы он не сшиб тебя, ты крепко его держи, ну-ка садись верхом, я посмотрю, умеешь ли ты ездить.

И дал мне прутик погонять. Я только сел верхом, как лошадь понесла меня, отец как ни кричал: «Держи, держи!», я не мог удержать и добежал до Праслова гораздо прежде родителей.

В 1833 г. рассказывал я отцу этот случай; он удивился, как я могу помнить, и, вспоминая подробности, усердно смеялся. Еще воспоминание изумило отца.

Мы жили в Можайске, я рассказал отцу, как умерла няня и как ее соборовали⁶⁸. Отец сказал: «Ты, братец, помнить этого не можешь», но когда я

⁶⁸ Соборование (елеосвящение) — одно из семи таинств, признаваемых православной церковью, совершаемое над тяжелобольными или умирающими.

рассказал отцу подробно расположение нашей квартиры и того амбара, где ее соборовали, и как дьякон гадал по Евангелию, будет ли жива, а на вопрос протопопа тихо отвечал: «Нет», рассказал все подробности церемонии, хотя и до сего времени не случалось видеть соборования, отец изумлялся, слушая меня. Уже кончалась служба, приходит горничная Аня и говорит: «Няня уже умерла, я видела, что душенька ее пролезла по углу черной кошкой». Няня, действительно, тихо скончалась, но на меня так подействовала уверенность, что душа должна отделиться в каком-нибудь видимом образе, что я только в гардемаринах⁶⁹ освободился от этой уверенности, — так впечатлительно младенчество!

Вероятно, я был шалун; отец, кажется, с трех лет наказывал меня розгами, и не скажу, чтобы редко; я ужасно боялся отца, только ласка матери уменьшала мое горе.

Когда мне было года 4, дедушка Максим Кузьмич Ломов приказал прислать меня к нему в Рузу. Я был единственный внук. Дедушка был небогатый помещик Рузского уезда; говорили, что уже полстолетия был казначеем в Рузе. Дедушка был огромного роста, брюнет с черными густыми

⁶⁹ Гардемарин — звание воспитанника старших рот Морского кадетского корпуса.

волосами; говорили, ему было около 80 лет⁷⁰, был прямой, весьма здоровый, без очков. Бабушка Настасья Ивановна была среднего женского роста, толстая, но подвижная и крепкая старушка. У них был сын Гаврила и моя мать. У дедушки было два дома на соборной площади, оба дома стояли глаголем⁷¹, в одном жили дедушка с бабушкой, а в другом помещались присутственные места⁷² Рузы; был еще флигелек в переулке, там жил какой-то чиновник, женатый на дальней родственнице дедушки. Такого счастливого житья, как мое у дедушки, и вообразить нельзя! Бабушка покупала расписные муравленные⁷³ кувшинчики, и, бывало, насыплет далеко не полный кувшинчик сухого гороха, нальет воды и с вечера поставит в печурку, а поутру оказывается горох выше кувшинчика; я приходил в изумление и с восторгом ел горох. После обеда пряничные коньки, петушки и

⁷⁰ В варианте 1903 г. сказано: «Деду было около 100 лет» (*Русская старина. 1903. № 1. С. 139*).

⁷¹ Глаголем — т. е. буквой Г, называвшейся глагол.

⁷² Различные административные учреждения.

⁷³ Муравленный — покрытый «муравой», т. е. глазурью.

человечки, да все с золотом. Любил я полузамерзшее молоко — все мне давала горячая любовь бабушки! Из большой прихожей отгороженная перегородкой комната была моей спальней. Бабушка сама меня укладывала спать, читает молитвы и целует, и оближет мне глаза. Придет дедушка, сядет на кровать и не уйдет, пока я не усну. Помню, спрашиваю дедушку, как он знает, когда я засну, он отвечал: «Знаю»; когда я спросил: «Дедушка, сплю я или нет», дедушка отвечал: «Не спишь». — Должно быть, я невелик был.

Поутру приходит родственница из флигелька, падает в ноги дедушке и просит заступиться, что она несчастлива. На вопрос — «Какое несчастье?», она, заливаясь слезами, говорит, что вот уже несколько дней все делает назло мужу, бранила его, а он и пальцем ее не тронул, точно она ему чужая — какая же это любовь? Долго высказывала свое горе. Дедушка нашел поступки мужа дурными, и бабушка подтвердила, какая же это любовь, что муж и не поучит свою жену. Отпустил дедушка просительницу с утешением, что он поправит это дело. После обеда по призыву явился виновный муж; это был мужчина лет 30-ти, прилично одетый, высокий, стройный. Не помню всего, что говорил дедушка, сначала тихо, потом гневался, виновный просил прощения и более молчал. Дедушка,

закончив, сказал: «Чтобы я более о таких безобразиях не слышал, не то смотри у меня, ты знаешь, как я учу!»

Дело было к вечеру, уже зажигали огни, мы с Иваном (я забыл сказать, что и ровесник мой, лакей, был со мною) побежали через сад, одно окно флигеля выходило в сад; мы на завалинку, отдули замерзшее стекло и видели и даже слышали, как жена грубила и бранила мужа; он взял со стены полотенце, свил жгут так крепко, что он стоял в руке, схватил жену за косу, бросил на пол и преусердно бил жгутом; она извивалась под ударами жгута и все продолжала бранить; он бил ее долго, она затихла, просила прощения, подползла, целовала ноги, руки, он еще прикрикнул и пригрозил жгутом, она стояла покорно и безмолвно; кончилось тем, что он обнял и поцеловались; разговора мы не слышали. На другой день явилась битая, такая веселая, кланялась в ноги дедушке и бабушке, целовала руки и благодарила.

Припоминая этот случай отцу в Киеве, я спросил его, неужели супружеская любовь прежде выражалась побоями?

— А как же иначе? Подумай, от кого тебе тяжелее неприятность, от человека тебе близкого или от постороннего?

— Конечно, от близкого.

— На неприятность от постороннего я и

внимания не обращаю, а огорчение от близкого хватает за сердце. А кто же может быть ближе жены? Если я не обращаю внимания на послушание или грубые слова жены, значит меня не трогают ее неприличные поступки, значит я имею к ней чувства, как к чужому человеку. Мы жили по Писанию: Бог сочетает, человек не разлучает. Жена повинуется своему мужу, а муж да любит свою жену. Есть русская пословица — люби жену как душу, а бей ее — как шубу. Муж глава в доме, ему повинуются все, тогда только и порядок. Так, братец, жили наши деды, так жили и мы, и были счастливы.

Не помню, долго ли я жил у дедушки с бабушкой, думаю, более года, — счастливые не считают время. Дедушка был постоянно серьезен, бабушка ласкова, приветлива ко всем. У дедушки не было часов, он считал грехом иметь часы, говорил: «Что же я буду почитать Бога, что ли?» Но зато хорошо помню особенность дедушки: во всякое время дня и ночи он верно говорил, который час, это и мой отец подтвердил: разбудить дедушку ночью и на вопрос — он отвечал без ошибки, который час.

Зимой сказали, что приехал мой отец. Я страшно испугался, уверен был, что отец приехал высечь меня. Во время общей суматохи я забрался в кухню и спрятался под печку, нашел там короб и

заставил себя. Схватились меня, кличут, я слышу, а слезы так и льются. Сбились все с ног, искали долго, во всем доме тревога. Не помню, кто и как нашел меня под печкой. Обрадовались, дедушка с бабушкой ласкают меня, а я горько плачу, на вопрос о чем, я признался, что отец будет меня сечь. Тут только объяснилось, что отец часто меня сек. Дедушка строго спросил отца:

— Иван, правду говорит Эразм?

Отец отвечал:

— Правда, — шалун, неслух, не покорить теперь, что из него будет!

У дедушки от зала была отгорожена узенькая его спальня. Дедушка гневно сказал: «Иван, поди-ка сюда». Двери на крючок. Я с бабушкой был в зале и слышал, как дедушка сердито говорил: «Да ты с ума сошел! Ты дурак». Что еще было, не помню; потом ясно были слышны удары; я видал эту плеть из толстого ремня, сколько ударов получил отец, я не знаю, но слышал, как он просил прощения. Далекі эти времена от нас! Не правда ли — как это странно и даже невероятно теперь?! Но я расскажу, может быть, еще страннее и невероятнее о своем действии в 1833 г.

Отец гостил дня три или четыре, с ним были ласковы, и отец был как дома. Любовь дедушки ко мне простиралась до того, что он поручил мне

продавать гербовую бумагу⁷⁴, которая хранилась под кроватью дедушки. Купивший мужик давал мне грошик⁷⁵, который я и отдавал прятать бабушке. Как видите, я признаюсь, что брал взятки, но примите и другое мое искреннее и честное признание, что кроме этого, может быть, бессознательного взяточничества, я до сей минуты взяток не брал. Помню раз, когда приходили человек 20 за бумагой и дедушка узнал, то сказал: «Надобно бы, чтобы они поправили плетень около бани».

Я говорил, что у дедушки был сын, Гаврила Максимович; он служил в уездном суде. Ему было лет 20, ростом с дедушку, прездоровенный, но голос был тонкий. Заговорили о свадьбе моего дяди, он ездил в Москву за покупками, о которых я ничего не знаю, но знаю, что он привез новость для всей Рузы — это невиданные тогда смазные⁷⁶

⁷⁴ Гербовая бумага — особая бумага с государственным гербом, продаваемая для оформления документов по гражданско-правовым сделкам, как бы подтверждающая уплату казне соответствующих подобным сделкам пошлин.

⁷⁵ Грош — медная монета достоинством в 2 копейки.

⁷⁶ Прилагательное смазной употреблялось для характеристики кожаных изделий, которые смазываются

сапоги, о них говорили очень много, а мне памятно вот почему. Я был назначен шафером⁷⁷. Вечером было человека четыре гостей, вероятно сослуживцев дяди; сидели около небольшого стола, я залез под стол и, вероятно, лизнул глянец на сапогах, которые были до колен, и, находя сладким, верно преусердно лизал, а когда шафер вылез из-под стола, то я оказался негром. Бабушка сначала испугалась, а узнав, увела меня умывать. Этот случай много доставил смеха; при этом дядя рассказал, что сапожник научил его делать ваксу — надобно варить воск, сахар и сажу (как это помнится).

Привезли невесту; как я хорошо ее помню — высокая, стройная, круглолицая, с живым румянцем, крошечку ряба, голос мягкий, как будто сиповатый, но приятный, глаза серо-голубые, волосы русые. Была очень нарядна, убрана разноцветными лентами, походка степенная, важная. Смеялась очень охотно. Олена Яковлевна, фамилии не знаю, помещица Можайского уезда, у

дегтем или ворванью (жидким жиром из рыб и других морских животных).

⁷⁷ Шафер — в церковном свадебном обряде человек, состоящий при женихе (или невесте) и во время венчания держащий у него (нее) над головой венец.

ней было 6 душ. Видал ли ее прежде дядя — не знаю, думаю — нет. Еще за неделю, как только решили быть свадьбе, меня перевели в спальню бабушки, а мою комнатку приготавливали для молодых. Сколько я помню, заботились, чтобы не подшутил кто-нибудь и не наколдовал бы в комнате: известно, что редкая свадьба проходит без колдовства, без порчи. После меня спала в моей комнате няня Гаврилы Максимовича; днем комната постоянно была заперта на замок; кроме няни входила утром и вечером бабушка, крестила на все стороны и шептала; вообще очень оберегали комнату.

Была зима, в сумерках долго благословляли, все с земными поклонами. Собор был против дома, но все поехали в санях, я впереди с образом. Церковь была полнешенька. Венчание было по чину, я заметил и рассказал бабушке, что дядя целовал Олену в церкви, а дома не целовал. Домой я опять впереди с образом, опять земные поклоны, с хлебом и солью, с образами. Гостей было немного, только семейные родственники; рано поужинали. Говорили, чтобы молодые ужинали в венцах⁷⁸, но

⁷⁸ Металлические брачные венцы, имеющие форму царской короны, употребляются только во время венчания и даже тогда не надеваются на головы жениха и невесты, а держатся над их головами.

дедушка не позволил. Гости проводили молодых до дверей комнаты, а в комнату за молодыми вошли только дедушка с бабушкой и я, вероятно, по праву шафера; я внес все тот же образ. Дедушка сидел молча и весьма серьезно смотрел за порядком, бабушка шептала молитвы. Когда надобно было дяде снимать сапоги, дедушка сказал: «Сядь на кровать», молодая стала на колени, сняла у мужа сапоги и чулки. Дедушка сказал мне: «Поддай». Я подал молодой плетку, но цивилизация проникла и в Рузу: плетка была сплетена из красных и белых ленточек, да и ручка была обшита шелковой материей. Молодая серьезно приняла плетку и покорно подала мужу, тот взял как должное и плетку положил под подушку. Дедушка благословил, дал поцеловать руку и ушел; бабушка дождалась как легла молодая, крестила их и комнату, благословила, дала поцеловать руку и увела меня. Бабушка заперла дверь на замок и крепко наказывала няне спать снаружи поперек дверей, а что услышит — читать «Да воскреснет Бог».

Поутру поднимали молодых бабушка с родственницами, меня тут не было. Вышли молодые распринаряженные, особенно тетка, и в шелку, и в лентах; произвели молодые поклонение

и получили от всех целование. В прихожей собрались сенные девушки⁷⁹. Дедушке подали стакан водки, он поцеловал молодую и весело выпил до капли, девушки запели плясовую. Дедушка взял бабушку за руку и начали плясать русскую. Дедушка бойко притопывал и ходил молодцом, бабушка плыла лебедью. Дедушка подлетал, бабушка отмахивалась, у бабушки был платок в руках, — как красиво она им помахивала и то призывала, то отгоняла дедушку; долго продолжалась пляска, наконец, дедушка пошел вприсядку как юноша, победил бабушку и горячо старики поцеловались. Я слышал, как родственницы говорили, что теперь и молодые не пройдут так, как Настасья Ивановна прошла правым боком! Вспоминали бойкость дедушки, сознаюсь, я не смог бы совершить такого подвига! Утренние танцы тем и кончились. Гости приходили и приезжали, стол накрыт был во всю залу. Тогда обедали рано. Молодые сидели в голове стола, я даже помню кушанья: студень, заливная рыба, поросенок под хреном и сметаной, разварная рыба, ветчина с кореньями, щи, к ним пирог с кашей, кашица, пирог с курицею, лапша, пирожки с говядиной, уха, пирог с морковью. Три или четыре

⁷⁹ Сенные девушки — прислуга в барском доме.

каши, языки, мозги с телячьими ножками и головкою. Жаркие: гуси, телятина, баранина, утки и жареная рыба, к жаркому соленые огурцы, разные кисели. Сладкие слоеные пироги, пирожки, оладьи с медом, из сладкого теста какие-то ленты, розаны. Может быть, и еще что было. После каждого кушанья мужчины пили по стаканчику водки, было и вино в бутылках, но его никто не пил. Дамы пили мед. То и дело заставляли молодых целоваться. Припоминая, изумляюсь тогдашнему гомерическому аппетиту. Сидели за столом, думаю, часа 3 или 4, и все-то ели и все-то пили. Я и теперь много ем, даже на удивление моей дочки, но я чувствую и сознаю себя младенцем перед героями на свадебном обеде! Едва доверяю своей памяти, припоминая, сколько каждый выпил водки! Но все было чинно, не шумно, прилично; помню, к концу обеда соседи между собою много целовались. Вставали из-за стола все тверды на ногах, пьяны не были. Молодая во весь обед краснела, как маков цвет, а дядя глядел победителем. Барыни и от меда зарумянились и повеселели. Тогда чаю и кофе не пили.

После обеда запряженные сани стояли у крыльца. Молодые сели в рогожный закрытый возок, как в карету, с ними старшая тетка. Меня бабушка украсила: на шапку повязала красную длинную ленту и на левый рукав выше локтя —

красный бант. Меня посадили на козлы, по левую сторону меня стоял порядочный мешок с мелкими серебряными деньгами, думаю, это были копеечки и пятачки. По правую — две стопы маленьких клетчатых сложенных вчетверо платков. Мы ехали на тройке, лошади тоже были украшены, помню красивую дугу, дедушка один в пошевнях⁸⁰ сзади. Все гости разместились по саням.

Помню, был ясный, тихий и не холодный день. Поехали шагом. Народу, мне казалось, несчетная тьма. Должно быть, вся Руза стояла по обе стороны дороги. Моя обязанность была бросать в народ серебряные деньги и платки таким порядком: горстку денег направо, платок налево, другой раз, куда бросил деньги, туда платок. Народ ликовал, кланялся, снимая шапки. Временем останавливались, тогда все: купцы, чиновники, мещане — подходили к дедушке, поздравляли и целовали у него руку. Так мы проехали по всем улицам Рузы и уже в сумерки возвратились домой. Платки я все разбросал, а денег осталось немного в мешке. Кроме гостей обедавших, пришли еще гости, вероятно, дедушка приглашал дорогою. Разумеется, бабушка целовала меня и называла

⁸⁰ Пошевни — широкие крестьянские сани, обитые лубом или тесом.

умником, дала мне полные руки сладкого со стола, накрытого в углу залы, — чего-чего тут не было: разное варенье, пряники, орехи, миндаль, рожки, изюм, леденцы — это привез дядя из Москвы, моченые яблоки, брусника, большой стол весь был уставлен. На столе горели восковые свечи, а на подоконниках много горело сальных свеч. Прихожая была полна прислугою, девушек было более, чем утром. Сначала пропели поздравительную песню, поминали имена дяди и тетки; потом плясовую. Дедушка с бабушкой не танцевали, а пошли парами молодые русскую. Дядя отлично танцевал, все хвалили. Тетка, разодетая, стройная, с веселыми глазами, тоже удостоилась общей похвалы. Дядя танцевал и трепака, и казака, а как пошел вприсядку — только мелькал, некоторые из гостей даже вскрикивали от восторга. Молодые открыли бал, помню, все танцы кончались поцелуями. Долго сменялись пары, кажется, все переплясали. Потом составили круг — помнится, все гости, взявшись за руки, ходили кругом, потом парами вертелись. Этот танец и другие не подлежат описанию, потому что они были выше моего понятия. До полночи я, сидя, уснул, бабушка унесла меня к себе в кровать. Говорили, что бал продолжался далеко за полночь, кончился ужин на рассвете. Я поздно проснулся и удивлялся, что весь дом спал. Вот первая свадьба, виденная мною в

жизни.

Как я ни был мал, но Рузу хорошо помню, мог бы указать и теперь, где стояли дома дедушки; летом с Иваном мы переходили какой-то ручеек, на косогоре росли редкие березы, под березами норы; говорят, в эти норы жители прятали свое имущество от набегов Литвы⁸¹; я нашел там две серебряные копеечки с дырочками, которые сохранились у меня и до сего часа. Вот только и памяти о Рузе, да глубокое и горячее чувство воспоминания о нежных ласках дедушки и бабушки.

Не хочу скрывать — когда я писал эти строки, так живо припомнилась мне незабвенная любовь этих отживающих стариков, что у меня не один десяток капнул слез, но таких слез, каких бы я желал и вам, читатель!

Еще помню, мне очень нравился запах божьего дерева, растущего по ограде собора; я нюхал часто, но не сорвал ни листочка — это грех, потому что церковное.

Моя мать соскучилась обо мне, писала и

⁸¹ Во время становления Московского государства (XIV–XV вв.) г. Руза находился в непосредственной близости от границ с Великим княжеством Литовским, правители которого совершали походы даже под стены Москвы.

просила прислать меня. Горько я плакал, прощаясь с дедушкой и бабушкой, плакали и старики. Напутственный молебен, благословений, поцелуев — без счета; бабушка рыдала и говорила, что более не увидит меня; мучительны были для меня эти минуты, я плакал неутешно. Надавали мне подарков, благословили образами, на дорогу бабушка дала полный мешок сладкого, о печеном и жареном я не говорю — много. Кучер и лакей получили много приказаний; уже я сидел в телеге, отъехали, бабушка выбежала, остановила, еще плакала, крестила и целовала.

Судьба не привела мне увидеть дедушку, бабушку, дядю; из всех рузских родных я видел тетку Олену Яковлевну; в 1847 году она приезжала в Киев на богомолье; старуха весьма бодрая, даже не переменилась, годы наложили свою печать, но так немного, что я без труда видел в ней молодую, разуваящую мужа и подающую ему плетку в знак покорности и послушания. Много мы вспоминали старины; когда я напомнил ей о разувании мужа и плетке, старуха покраснела, целовала меня, а у самой слезы на глазах; очень удивлялась, как я могу так ясно помнить подробности, что я тогда был малютка. Старуха не могла наговориться о том счастливом времени — теперь все не то, нет тех чувств родства, нет той беззаветной дружбы, нет и веселья прежнего. Я соглашался с теткой и уверял,

что с большею нашей старостию еще будет хуже, скучнее.

Дед мой умер с горя, когда узнал, что Наполеон взял Москву; бабушка и месяца не прожила после деда. У тетки с дядей были сын и дочь, были еще дети, да умерли. Жили они согласно, в довольстве; дядя простудился, заболел горячкою и умер, «а какой был здоровяк!». Тетка утерла слезы. Мы не наговорились о старине, а тетка всякий раз выпивала чашек 20 чаю вприкуску и уверяла, что такого чая нельзя купить и в Москве.

* * *

Из Рузы нас с Иваном перевезли в Можайск; мой отец был тогда соляным приставом⁸². О нежных ласках матери я не говорю; я приехал от ее родителей, она хотела все знать, но я едва ли мог удовлетворить ее любопытству; отец дал мне поцеловать руку.

Казенный магазин для продажи соли был каменный, у самого шлагбаума на Московской заставе; часто я бегал к отцу, он давал мне мешочек

⁸² Соляной пристав — одна из выборных должностей уездных чиновников.

с солью фунта⁸³ в два, вероятно, это образцы, по которым принималась соль; мешочки я относил к матери. За заставой, по левую сторону почтовой дороги, было кладбище с длинными шестами, и их было много; тут хоронились колдуны, и эти колья забивались колдунам в спину, чтобы не вставали. Это кладбище считалось страшным по ночам, рассказов о нем ходило много.

Раз вечером у нас были гости, заговорили о страшных случаях на кладбище колдунов; о женщинах говорить нечего, но даже мужчины находили страшным сходить на это кладбище; один отец мой находил, что с молитвою ничего нет опасного. Отца подзадоривали, и суворовский сослуживец взял шапку и палку и пошел. Мать моя очень плакала, и плакали дамы. Возвратился отец и принес срезанную щепку от шеста. Отец гордо смотрел победителем, и все удивлялись его смелости.

В Можайске был тогда городничим⁸⁴ Василий Иванович Пан-Поняровский, очень

⁸³ Фунт — старинная мера веса, равная 409,5 г.

⁸⁴ Городничий — по губернской реформе 1775 г. глава административно-полицейской власти в уездном городе; эта должность не выборная, а назначаемая.

брюнет, первый щеголь, первый остряк, кудрявые черные свои волосы постоянно зачесывал рукою с затылка; он один ходил в круглой шляпе. Мать моя любила играть в бостон, конечно, без денег; около ее тетрадка с расчетом платежа за игру; постоянный партнер был Пан-Поняровский; он всегда острял, помню его одну остроту: «Рал-рал-рал, храбрый я капрал, рал-рал-рал, черт бы меня взял». Все смеются.

Исправник ⁸⁵ Дмитрий Петрович Кобылин, большой охотник с собаками, давал мне заячьи лапки, а красавица его жена Пелагея Ивановна давала мне много пряников и леденцов; у них не было детей; меня очень ласкали; Кобылины были богаты, и это были аристократы Можайска.

Близ Можайска есть монастырь, называется Лужецкий ⁸⁶. Говорили, что в этом монастыре иеромонах ⁸⁷ Константин — из полковников и

⁸⁵ Исправник (или капитан-исправник) — по губернской реформе 1775 г. глава полиции в уезде; избирался местным дворянством.

⁸⁶ Лужецкий Богородице-Рождественский мужской монастырь 2-го класса; основан в начале XV в.; располагался в Можайском у. Московской губ.

⁸⁷ Иеромонах — монах-священник.

человек весьма ученый, хорошо знает французский язык. Не знаю, как устроил отец, но поместил меня с Иваном в монастырь; нам отвели келью во втором этаже. Никто о нас не заботился, никто не учил; обедали мы в трапезе с монахами; после обеда монахи собирались в так называемую беседную, комната с нарами. К нам в келью входили не иначе, когда мы ответим «аминь». Летом мы бегали по садам монастырским, а зимой свели дружбу с мальчишками в слободе; тут мы поучались, смотря с завалинок на оргии монахов у вдов-солдаток; видели, кроме разврата, много кощунства. Не буду описывать ни оргий, ни кощунства — неприятно вспоминать. В беседной только я и слышал укоризны, интриги против казначея, пересуды об игумене — зависть и злоба были господствующие разговоры. Более года я жил в монастыре и вынес познания: *la fourchette* — вилка, *et le couteau* — ножик. Не знаю, знал ли более отец Константин. Если б знал мой отец, какое вредное влияние сделал он на впечатлительный от природы мой характер, то, конечно, не помещал бы в монастырь, — дурное впечатление осталось на всю жизнь о монашеской жизни.

Переехали мы в Золотилово. В одну из побывок в Праслове туда приехал из Петербурга

лейтенант Иван Петрович Бунин.

Борис Карлыч Бланк был женат на Анне Григорьевне; мать ее Варвара Петровна была рожденная Бунина и старшая родная сестра Ивана Петровича; она жила постоянно при дочери. Бунин был известен во всем Петербурге как весельчак, балагур, музыкант, танцор, остряк; о нем будет речь после; он был адъютантом известного адмирала Ханыкова. Приезд его в Праслово — была эпоха. Большого роста, статный мужчина, мундир с золотом, короткие белые штаны, шелковые чулки, башмаки с золотыми пряжками, шпага с блестящим темляком⁸⁸ — я глаза проглядел! Когда отец подвел меня к нему, он спросил, куда думают меня отдать?

Отец скромно отвечал, что он не богат, не знает, что и делать со мною.

Бунин взял меня за ухо, посмотрел на руку и сказал: «Отдайте в Морской корпус⁸⁹, тем более,

⁸⁸ Темляк — согнутая пополам тесьма (нитяная, кожаная или из галуна) с кистью на конце, носимая на рукоятке (эфесе) меча, шпаги, сабли, шашки.

⁸⁹ Морской кадетский корпус — учебное заведение закрытого типа для подготовки морских офицеров, основан в 1752 г.